

ДЖУЛИЯ КУИН

ДЕСЯТЬ ПРИЧИН
ДЛЯ ЛЮБВИ

МИШ ШАРМ

Джулия Куин
Десять причин для любви
Серия «Бевельсток», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6896939
Десять причин для любви: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085058-7

Аннотация

Остроумный повеса Себастьян Грей красив, как грех, а умница Аннабел Уинслоу с детства ценила в мужчинах чувство юмора и привлекательность.

Они созданы друг для друга, должны пожениться и жить долго и счастливо...

Но на руку и сердце Аннабел претендует богатый дядюшка Себастьяна, граф Ньюбери. Старик мечтает обзавестись прямым наследником своих земель и титула, и юная леди Уинслоу для него желанная партия. Однако Аннабел не собирается жертвовать любовью ради выгодного брака, — и никакие происки графа не разлучат ее с Себастьяном...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джулия Куин

Десять причин для любви

Роман

Пролог

Несколько лет назад

Он не мог спать.

В этом не было ничего нового. Пора было к этому привыкнуть.

Но нет. Каждую ночь Себастьян Грей закрывал глаза с надеждой уснуть. А почему бы и нет? Он был абсолютно здоров, в ясном уме и твердой памяти, то есть вполне счастливый человек. Не было у него причин не спать.

Но уснуть у него не получалось.

Правда, так случалось не всегда. Иногда — и он понятия не имел, почему было то так, то иначе, — он клал голову на подушку и тут же проваливался в благодатный сон. Но остальное время он ворочался, вставал, чтобы почитать, пил чай, снова ворочался, метался, крутился, снова садился, смотрел в окно, опять ворочался, крутился и, наконец, махнув рукой на тщетные усилия, вставал и любовался рассветом.

Сколько рассветов он перевидал! По правде говоря, теперь Себастьян считал себя знатоком рассветов на Британских островах. Экспертом!

Разумеется, потом наступит изнеможение и где-нибудь после рассвета он погрузится в сон. В постели или в кресле, а то и прижавшись лицом к столу. Бывали и такие неприятные случаи. Такое происходило не каждый день, но достаточно часто, чтобы он заработал прозвище лежебоки и сони, что его крайне забавляло. Ведь не было на свете ничего, что доставляло ему такое удовольствие, как бодрящее свежее утро, и, разумеется, никакая трапеза не насыщала так, как здоровый английский завтрак.

И потому он приучил себя жить как умел с этой своей слабостью. У него вошло в привычку завтракать в доме кузена Гарри, во многом из-за того, что тамошняя экономка подавала чертовски хорошую еду, но также и потому, что Гарри теперь всегда ждал его появления. А это означало, что Себастьян в девяти случаях из десяти обязан был к нему явиться. То есть он не мог позволить себе засыпать каждое утро в половине седьмого. Что, в свою очередь, приводило к тому, что на следующий вечер он был более усталым, чем обычно, и, забираясь в постель, мог рассчитывать легче заснуть.

Теоретически.

Нет, подумалось ему, он несправедлив. Не стоит обращать свой сарказм вовнутрь. Его грандиозный план воплощался в жизнь не идеально, но все-таки... иногда срабатывал. Он спал гораздо лучше. Просто не сегодня.

Себастьян поднялся и, подойдя к окну, уперся в него лбом. Снаружи было холодно, и стекло сразу заледенило его. Он любил это ощущение. Это было великолепно. Это ярко напоминало ему, что он принадлежит к человечеству. Он мерз и, значит, был жив. Он мерз и, значит, не был неуязвимым. Ему было холодно, и, значит...

Он отступил на шаг и презрительно фыркнул. Он мерз, и это значило, что ему холодно. И ничего больше.

Он удивился тому, что не шел дождь. Когда он ночью приехал домой, дождь вроде бы собирался. Будучи на континенте, он неплохо научился предсказывать погоду. Так что, по видимому, дождь вскоре начнется.

Он прошелся к середине комнаты и зевнул. Может быть, стоит почитать что-нибудь? Иногда это нагоняло на него сон. Разумеется, это как когда. Он мог чувствовать себя бесконечно сонным, но не засыпал. Закрывал глаза, укладывал поудобнее подушку и...

И ничего.

Он просто лежал и ждал, ждал, ждал. Он пытался опустошить ум от мыслей, потому что именно это и следовало бы сделать в первую очередь. Это было необходимо. Пусть перед ним возникнет чистый лист. Пустое полотно. Если бы он мог обнять абсолютную пустоту, он сумел бы заснуть. В этом он был уверен.

Но ничего не получалось. Потому что каждый раз, как Себастьян Грей пытался обнять пустоту, погрузиться в нее, возвращалась война и он тонул в ней.

Он это видел. Чувствовал. Снова и снова. Все те вещи, которые вполне достаточно было увидеть и почувствовать один раз... Более чем достаточно.

И потому он открывал глаза. Потому что тогда перед его взором была его же обычная спальня, с мягкой постелью. Одежда было зеленым, занавески — золотистыми, а стол — деревянным.

И еще было тихо. Днем сюда проникали городские звуки, но ночью в этой части города почти всегда стояла тишина. Поистине поразительно, каким наслаждением было слушать эту тишину. Слушать ветер и, может быть, перекличку птиц, а не прислушиваться настороженно к шагам или выстрелам. А то и к чему-то похуже.

Казалось бы, ему должно прекрасно спаться в этой чудесной тишине.

Он снова зевнул. Может быть, все-таки почитать? Днем он захватил несколько книг из библиотеки Гарри. Особенно выбирать там было не из чего: Гарри любил читать по-французски или по-русски. И хотя Себастьян тоже знал оба эти языка (их общая бабушка по материнской линии на этом настаивала), пользоваться ими не было для него так же естественно, как для Гарри. Читать на каком-то языке, кроме английского, было для него работой, а Себастьян сейчас хотел развеяться.

Неужели это слишком много: желать от чтения просто возможности отдохнуть?

Вот если бы ему нужно было написать книгу, это было бы занятие для души. И смерти там были бы, но не слишком много. И безусловно, не главных персонажей. Это действовало бы слишком угнетающе.

А еще там бы обязательно была любовная история. И опасности. Опасность — это прекрасно!

Возможно, еще чуточку экзотики. Но не слишком много. Себастьян подозревал, что большинство авторов небрежно относились к подготовительным исследованиям. Он недавно прочел роман, где действие происходило в арабском гареме. И хотя Себастьян находил идею насчет гарема увлекательной и интересной — даже весьма интересной, — он сомневался, что автор разобрался в деталях и был точен. Он любил приключения, как многие люди, но даже ему трудно было поверить, что героиня, мужественная англичанка, сумела сбежать, вывесив из окошка змею и спустившись по ней на землю.

Усугубив издевательство над читателем прямым враньем, автор даже не потрудился сообщить, с какой змеей она это проделала.

Нет, право, он превзошел бы подобных писак.

Если он решит написать книгу, он поместит место действия в Англию. По крайней мере змей здесь не будет, это точно.

А героем станет не какой-то жалкий денди, занятый лишь покроем своего жилета. Если он возьмется писать книгу, герой у него будет героическим!

Но с загадочным прошлым. Чтобы было поинтереснее.

И конечно, не обойтись без героини. Ему нравились женщины. Он сумеет описать одну из них. Как он ее назовет? Как-нибудь обычно. Например, Джоанна. Нет, это звучит слишком воинственно. Может быть, Мэри? Или Анна?

Да, Анна. Это имя ему нравится. Звучит приятно. Но если он введет ее в свой роман, у нее не будет семьи. Некому будет звать ее по имени. Ему нужно дать ей хорошую фамилию. Чтобы легко слетала с языка. Приятно звучала.

Сейнсбери.

Он помедлил, обдумывая. Сейнсбери. Почему-то звучание напомнило ему сыр.

Что ж, неплохо. Он любил сыр.

Анна Сейнсбери. Очень неплохое имя. Анна Сейнсбери. Мисс Сейнсбери. Мисс Сейнсбери и...

И что?

Как насчет героя? Должна ли у него быть какая-то профессия? Карьера? Разумеется, Себастьян знал достаточно об образе жизни аристократии, чтобы нарисовать точный портрет вальяжного лорда.

Однако это будет скучно. Если он решит написать книгу, в ней должна быть чертовски увлекательная история. Чтобы не оторваться!

Он может сделать героя военным. Он много знает об этом. Сделать его, например, майором? Мисс Сейнсбери и загадочный майор?

Нет, глуповато! Не нужно изысков.

Может, генерал? Нет, генералы слишком заняты. И не так уж их много бродит вокруг. А вот если он хочет поинтереснее, стоит добавить туда парочку герцогов.

А как насчет полковника? Ранг достаточно высокий, чтобы обладать властью и авторитетом. Он может быть из хорошего рода... кто-то с деньгами, но не слишком большими. Младший сын! Младшие сыновья должны сами пробивать себе путь в жизни.

Итак, мисс Сейнсбери и загадочный полковник. Да, если он решит писать книгу, он так ее и назовет.

Но стоит ли всем этим заниматься? Он зевнул. Где он найдет время для этого? Он бросил взгляд на свой маленький письменный стол. Совершенно пустой, за исключением чашки остывшего чая. Нигде не было видно ни бумажки...

Солнце уже всходило. Пора ложиться в постель. Он еще может прихватить несколько часов сна, перед тем как встать и отправиться к Гарри на завтрак.

Он посмотрел на окно, в которое уже начали светить косые лучи восхода, помедлил. Ему понравилось, как звучит эта фраза.

Косые лучи рассвета засветились в стекле.

Нет, как-то неясно получается. Можно подумать, что речь идет о бокалах.

Косые лучи рассвета засветились в оконном стекле.

Вот это уже неплохо. Но нужно как-то развернуть происходящее. Ввести социальный аспект.

Косые лучи рассвета засветились в оконном стекле, а мисс Анна Сейнсбери, скорчившись под ветхим одеялом, задумалась, как делала уже не раз, где ей найти деньги на следующую трапезу.

Вот теперь все было хорошо. Даже ему самому захотелось узнать, что случилось с мисс Сейнсбери, почему ей грозит голод, а ведь он все это и придумал.

Себастьян пожевал губу. Может, стоит это записать? И добавить собачку...

Он уселся за стол. Бумага. Ему нужна бумага. И чернила. Что-то должно было найтись в ящиках стола.

Косые лучи рассвета засветились в оконном стекле, а мисс Анна Сейнсбери, скорчившись под одеялом, задумалась, как делала уже не раз, где ей найти денег на следующую трапезу. Она посмотрела вниз на верную колли, тихо лежавшую на коврике у ее кровати, и поняла, что пришло время принять судьбоносное решение. От этого зависели жизни ее братьев и сестер.

Смотрите-ка! Получился целый абзац. И он практически не занял у него времени. Себастьян поднял взгляд на окно. Косые лучи рассвета все еще просачивались сквозь оконное стекло.

Косые лучи рассвета светились в оконном стекле, а Себастьян Грей был счастлив.

Глава 1

Мейфэр, Лондон Весна 1822 года

— Ключ к счастливому браку, — подчеркнул лорд Викерс, — это держаться подальше от собственной жены.

Казалось бы, это утверждение не должно было иметь никакого влияния на жизнь и судьбу мисс Аннабел Уинслоу, но десять вещей делали это изречение лорда Викерса болезненно близким ее сердцу.

Во-первых, лорд Викерс был ее дедом по материнской линии, что непосредственно приводило к тому, что, во-вторых, названной женой была ее родная бабушка, которая, в-третьих, недавно решила вырвать Аннабел из ее тихой счастливой жизни в Глостершире, дабы, по ее словам, «придать ей лоск и выдать замуж».

Не менее важным было и то, что, в-четвертых, лорд Викерс говорил это лорду Ньюбери, который, в-пятых, однажды уже был женат и, кажется, успешно, но, в-шестых, жена его умерла, и теперь он был вдовцом, а его сын, в-седьмых, умер годом раньше, не оставив собственного сына.

Это, опять же в-седьмых, означало, что лорд Ньюбери искал новую жену.

К тому же в-восьмых, он считал, что союз с Викерсом — это то, что надо, и в-девятых, он положил глаз на Аннабел, потому что, в-десятых, у нее были широкие бедра!

О Господи! Кажется у нее получилось два «в-седьмых».

Аннабел вздохнула, потому что это было ближе всего к тому, чтобы сторбиться на стуле, что ей категорически не дозволялось. Впрочем, какая разница, если пунктов будет одиннадцать, а не десять. Ее бедра оставались по-прежнему широкими, и лорд Ньюбери был решительно настроен, чтобы его следующий наследник провел девять месяцев именно между ними.

— Старшая из восьми, вы говорите, — пробормотал лорд Ньюбери, задумчиво ее разглядывая.

Задумчиво?! Как бы не так. Казалось, он просто облизывался!

Аннабел бросила отчаянный взгляд на свою кузину, леди Луизу Маккэнн, приехавшую в этот день с визитом. Они очень мило общались, пока неожиданно не явился лорд Ньюбери. Лицо Луизы оставалось совершенно невозмутимым, как принято было в светском обществе, но Аннабел заметила, что глаза ее сочувственно расширились.

Если Луиза, чьи манеры всегда были абсолютно корректны, что бы ни происходило вокруг, не смогла удержаться от ужаса, Аннабел явно влипла в большие неприятности.

— И, — продолжал лорд Викерс с гордостью, — каждый из них родился крепким и здоровым.

Он поднял бокал, как бы приветствуя свою старшую дочь, плодовитую Френсис Викерс Уинслоу, которую, как не могла не вспомнить Аннабел, он называл только Этой Дурочкой, вышедшей замуж за Этого Проклятого Дурака!

Лорд Викерс был очень недоволен, когда его дочь вышла замуж за сельского джентльмена с весьма ограниченными средствами. И, насколько было известно Аннабел, своего мнения он так никогда и не изменил.

С другой стороны, мать Луизы вышла замуж за младшего сына герцога Феннивика всего за три месяца до того, как старший сын герцога совершил необдуманый прыжок на не обученном как следует жеребце и сломал свою аристократическую шею. По словам лорда Викерса, это был «чертовски удачный прыжок».

Разумеется, удачный для матери Луизы, а не для покойного наследника. Или его коня.

Неудивительно поэтому, что до нынешней весны пути Аннабел и Луизы пересекались очень редко. Уинслоу со своим многочисленным потомством, втиснутым в слишком маленький домик, имели мало общего с Маккэннами, которые, если не пребывали в их похожем на дворец лондонском особняке, проводили время в древнем замке на границе Шотландии.

— Отец Аннабел был одним из десяти детей, — сообщил лорд Викарс.

Аннабел повернула голову, чтобы рассмотреть его внимательнее. Это заявление было ближе всего к комплименту ее покойному отцу, который когда-либо прозвучал из уст лорда Викарса.

— Неужели? — осведомился лорд Ньюбери с хищным блеском в глазах.

Аннабел втянула губы и сжала руки на коленях, отчаянно размышляя, что она может сделать, чтобы произвести впечатление бесплодной.

— Ну и, конечно, у нас самих семеро детей, — скромно объявил лорд Викарс, поводя в воздухе рукой, как делают мужчины, не отягощенные правилами приличия.

— Так что вы не всегда держались достаточно далеко от леди Викарс, — фыркнул лорд Ньюбери.

Аннабел судорожно глотнула. Когда лорд Ньюбери фыркал, или посмеивался, или вообще двигал головой, казалось, что его челюсти издают какие-то звуки и при этом трясутся. Это было ужасное зрелище. Оно напоминало ей трясущийся студень из телячьей ножки, которым пичкала ее их экономка, когда Аннабел болела. Право, этого было достаточно, чтобы получить отвращение к любой пище.

Она задумалась, как долго нужно воздерживаться от любой пищи, чтобы заметно уменьшить размер бедер, желательно до полной невозможности иметь детей.

— Так что подумайте об этом, — произнес лорд Викарс, добродушно хлопая старого приятеля по спине.

— О, я думаю, — откликнулся лорд Ньюбери. Он повернулся к Аннабел, в его бледно-голубых глазах горел нескрываемый интерес. — Я думаю совершенно определенно.

— Обычно эти раздумья очень переоценивают, — объявила леди Викарс. Она приветственным жестом поднесла к губам бокал с шерри и осушила его.

— Забыл, что ты здесь, Маргарет, — промолвил лорд Ньюбери.

— Я никогда об этом не забываю, — проворчал лорд Викарс.

— Разумеется, я имею в виду джентльменов, — продолжала леди Викарс, протягивая свой бокал к тому из мужчин, кто первым сумеет его наполнить. — Леди всегда должна думать.

— В этом наши мнения расходятся, — произнес лорд Ньюбери. — Моя Маргарет держала свои мысли при себе. У нас был великолепный брак.

— Вы хотите сказать: она держалась от вас подальше? — хмыкнул лорд Викарс.

— Готов подтвердить: у нас был великолепный союз.

Аннабел посмотрела на Луизу, сидевшую в благопристойной позе на стуле рядом. Ее кузина была хрупким существом с узкими плечиками, светло-каштановыми волосами и бледно-бледно-зелеными глазами. Аннабел всегда казалось, что рядом с ней она выглядит какой-то громадиной. Ее собственные волосы были темными и волнистыми, кожа легко загорала, стоило ей подольше побыть на солнце, а фигура... с двенадцати лет привлекала к себе нежелательное мужское внимание.

Но это внимание никогда не было настолько нежелательным, как сейчас, когда лорд Ньюбери разглядывал ее, словно засахаренный фрукт.

Аннабел сидела тихо, старательно подражая кузине, и старалась, чтобы на лице не отразились ее мысли. Бабушка и так вечно ругала ее за чересчур выразительные гримасы.

«Ради всего святого, — привычно твердила она, — прекрати улыбаться, словно знаешь что-то особенное. Джентльмены не любят, когда женщины в чем-то осведомлены. По край-

ней мере их жены. — В этот момент леди Викерс обычно делала большой глоток и прибавляла: — Вот после того как выйдешь замуж, будешь стараться узнать как можно больше. Предпочтительно с другими джентльменами, а не со своим мужем».

Если Аннабел ничего не знала до этого, то теперь она кое-что узнала наверняка. Например, тот факт, что по крайней мере трое викерсовских отпрысков, вероятнее всего, не были Викерсами. Аннабел постепенно осознавала, что ее бабушка, кроме привычки залихватски ругаться, имела весьма своеобразное представление о морали.

Глостершир начинал ей казаться какой-то райской страной. В Лондоне все выглядело таким... блескучим. Ну разумеется, настоящего блеска там не было. По правде говоря, все в Лондоне было каким-то серым, припорошенным пылью и сажой. Аннабел даже не понимала, почему ей пришло в голову слово «блескучий». Возможно, потому, что все здесь было непросто. И уж точно не прямодушно. Скорее — каким-то скользким.

Она вдруг поняла, что ей безумно хочется выпить стакан молока или что-нибудь такое же свежее и здоровое. Возможно, это помогло бы ей вернуть ощущение уравновешенности. Она никогда не была чопорной, и одному Богу известно, что из всего семейства Уинслоу именно она могла задремать в церкви. Но каждый день в столице она испытывала новые потрясения и не раз попадала в ситуации, когда могла лишь растерянно открыть рот и сконфузиться.

Аннабел находилась здесь уже целый месяц. Месяц! И ее все еще не покидало ощущение, что нужно двигаться на цыпочках, потому что постоянно сомневалась, все ли говорит и делает правильно.

Она ненавидела это ощущение.

Дома совсем другое дело. Она не всегда была права, но зато почти всегда уверена в себе. В Лондоне все правила были другими. И того хуже, здесь все знали всех. А если не знали их, то знали о них. Получалось, что свет обсуждал какую-то тайную историю, о которой Аннабел не имела ни малейшего представления. В каждом разговоре были какие-то подводные течения, какой-то скрытый смысл. Между тем Аннабел, кроме того, что больше других Уинслоу была способна задремать в церкви, была больше всех склонна резать правду в глаза. Здесь она неизменно чувствовала страх, что скажет что-либо обидное или оскорбительное.

Или оконфузится.

Или поставит в неловкое положение кого-то другого.

Она приходила в ужас от такой возможности. Ей была просто невыносима мысль, что она может каким-то образом подтвердить мнение деда, что ее мать действительно была дурочкой, а отец — полным дураком и она сама ушла от них совсем не далеко.

Имелась тысяча способов выставить себя идиоткой, причем каждый день возникали для этого все новые ситуации. Постоянно избегать их было тяжело до изнеможения.

Лорд Ньюбери наконец откланялся. Аннабел встала и присела в книксене, стараясь не замечать, как его взгляд впился в ее грудь. Дед вышел из комнаты вместе с гостем, оставив ее наедине с Луизой, бабушкой и графином хереса.

— Надеюсь, твоя матушка будет довольна, — объявила леди Викерс.

— Чем, мэм? — растерянно осведомилась Аннабел.

Бабушка одарила ее скучающим взглядом с оттенком недоверия.

— Графом. Когда я согласилась принять тебя, я и мечтать не могла, что ты заполучишь кого-то выше барона. Тебе повезло, что он оказался в отчаянном положении.

Аннабел криво улыбнулась. Как чудесно оказаться объектом чьего-то отчаяния!

— Хочешь бренди? — предложила бабушка. Аннабел покачала головой.

— А ты, Луиза? — Леди Викерс склонила голову в сторону другой внучки, которая ответила мгновенным решительным отказом.

— На вид он неказист, это верно, — продолжала леди Викерс. — Но в молодости был достаточно красив, так что твои дети, во всяком случае, уродами не будут.

— Это обнадеживает, — слабым голосом отозвалась Аннабел.

— Несколько моих подруг положили на него глаз, но он смотрел только на Маргарет Китсон.

— Ваших подруг, — пробормотала Аннабел. Современницы ее бабушки хотели выйти замуж за лорда Ньюбери. Современницы ее бабушки хотели выйти замуж за человека, который, судя по всему, хотел жениться на ней!

Господи Боже!

— И он скоро умрет, — не останавливалась бабушка. — Чего же еще тебе желать?

— Я, пожалуй, выпью вашего бренди, — заявила Аннабел.

— Аннабел! — ахнула Луиза, бросая на нее взгляд, в котором ясно читалось: «Что ты делаешь?»

Леди Викерс одобрительно кивнула и налила ей бокал.

— Только не говори деду, — произнесла она, передавая ей бокал. — Он не одобряет, когда спиртное пьют дамы моложе тридцати.

Аннабел сделала большой глоток. Он прокатился по ее горлу жаркой волной, но она даже не подавилась. Дома ей никогда не давали даже хереса, по крайней мере не до ужина. Но здесь и сейчас ей было необходимо подкрепиться.

— Леди Викерс, — прозвучал голос дворецкого, — вы просили напомнить вам, когда придет время ехать на вечер к миссис Марстон.

— А-а, верно, — откликнулась леди Викерс, со стоном поднимаясь на ноги. — Она нудная старая сплетница, но стол держит отменный.

Аннабел и Луиза встали и стояли, пока бабушка не вышла из комнаты, но едва дверь за ней закрылась, просто рухнули на стулья.

— Что произошло, пока меня не было? — спросила Луиза.

— Как я понимаю, ты имеешь в виду лорда Ньюбери? — вздохнула Аннабел.

— Я провела в Брайтоне всего четыре дня. — Луиза бросила быстрый взгляд на дверь, удостоверившись, что там никого нет, и настойчивым шепотом продолжала: — А теперь он хочет жениться на тебе?!

— Он пока этого не заявлял, — ответила Аннабел с осторожной надеждой. Если судить по тем знакам внимания, которое проявлял к ней лорд Ньюбери последние четыре дня, он сейчас мчится в Кентербери за специальным разрешением на брак без предварительного оглашения. Чтобы получить его к концу недели!

— Ты знаешь его историю? — поинтересовалась Луиза.

— Кажется, знаю, — ответила Аннабел. — По крайней мере частично.

Но уж наверняка не настолько полно, как Луиза. У Луизы шел второй лондонский сезон, а кроме того, она родилась в этом кругу. Родословная Аннабел включала в себя деда-виконта, но сама она была дочерью сельского джентльмена и не более того. А Луиза проводила каждые весну и лето своей жизни в Лондоне. Ее мать — тетя Аннабел, Джоан, — умерла несколькими годами ранее, но у герцога Феннивика было несколько сестер, которые все занимали видное положение в обществе. Возможно, Луиза была застенчивой, скорее всего от нее меньше всего можно было ждать сплетен и слухов, но знала она все!

— Ему очень нужна жена, — сказала Луиза. Аннабел постаралась изобразить небрежное пожатие плеч.

— А мне — муж.

— Иногда не грех и потерпеть.

Аннабел не стала возражать, хотя, по правде говоря, если она не выйдет замуж хорошо и скоро, одно небо знает, что станется с ее семьей. У них никогда не было средств в достатке,

но пока был жив отец, им еще как-то удавалось сводить концы с концами. Она не знала толком, каким образом им удалось обеспечить оплату школы для всех четверых ее братьев, но все они обучались там, где надо: получали достойное джентльменов образование в Итоне. Не станет Аннабел отвечать за то, что им придется оставить эту школу.

— Его жена умерла... ох, я не знаю, сколько лет назад, — продолжала Луиза. — Впрочем, это значения не имеет, поскольку у него был абсолютно здоровый сын. А у сына имелись две дочери, так что жена его явно не была бесплодной.

Аннабел кивнула, мысленно удивляясь, почему всегда считают бесплодной женщину. Разве не может бесплодным быть мужчина?

— Но затем сын его умер. По-моему, от какой-то лихорадки.

Вообще-то эта часть истории была Аннабел известна, но она была уверена, что Луиза знает больше, и потому поторопилась спросить:

— Разве нет никого, кто мог бы ему наследовать?... Наверняка сыщется какой-нибудь брат или кузен.

— Есть племянник, — подтвердила Луиза. — Себастьян Грей. Но лорд Ньюбери его ненавидит.

— Почему?

— Не знаю, — пожала плечами Луиза. — Никто не может ничего утверждать наверняка. Возможно, это зависть. Мистер Грей потрясающе красив. Все дамы от него без ума.

— Хотелось бы мне на него посмотреть, — задумчиво проговорила Аннабел. Она представила себе красавца блондина, с мускулами, распирающими жилет, который движется сквозь толпу обезумевших дам. А еще лучше вообразить, что кто-то из оставшихся в здравом уме хватает его за ногу и тем сбивает с ног... Привидится же такая чушь!

— Аннабел!

Аннабел очнулась от мечтаний. Луиза обращалась к ней с необычной для нее настойчивостью, так что необходимо было ее выслушать.

— Послушай меня, это важно, — произнесла Луиза.

Аннабел кивнула и ощутила прилив какого-то непривычного чувства... то ли благодарность, то ли... нет, наверняка любовь. Она лишь недавно узнала свою кузину, но между ними возникла сильная привязанность, и она знала, что Луиза сделает все, что в ее силах, чтобы удержать Аннабел от несчастливого союза.

К несчастью, возможности Луизы в этом вопросе были очень ограничены. И потом, она не представляла себе, не могла вообразить, груз долга, который достался старшей дочери обедневшей семьи.

— Послушай меня, — умоляла ее тем временем Луиза. — Сын лорда Ньюбери умер, кажется, около года назад, и безутешный отец начал искать себе невесту, когда прах его сына еще не остыл.

— Но тогда почему он до сих пор никого не нашел?

Луиза покачала головой:

— Он почти женился на Мэриэл Уиллингем.

— На ком? — заморгала Аннабел, пытаясь сообразить, о ком идет речь.

— Вот именно. Ты о ней никогда не слыхала. Она умерла.

Брови Аннабел взлетели вверх. Как-то странно безразлично сообщила кузина эту трагическую историю.

— За два дня до свадьбы она простудилась.

— Она скончалась всего в два дня? — поразилась Аннабел. Такие вопросы задавать было не принято, но она должна была знать.

— Нет. Но лорд Ньюбери настоял, чтобы свадьбу отложили. Он сказал, что это для ее же блага, что она слишком больна, чтобы выстоять церемонию в церкви, но все понимали,

что он просто хотел удостовериться, что она по крайней мере достаточно крепкая, чтобы родить ему сына.

— А потом?

— А потом она действительно умерла. Она болела около двух недель. Это было очень печально. Она всегда была добра ко мне. — Луиза вздохнула и продолжала: — Для лорда Ньюбери это кончилось удачно: если бы он успел на ней жениться, то должен был бы соблюдать траур. А он и так собрался жениться в скандально короткий срок после смерти сына. Если бы мисс Уиллингем умерла не перед свадьбой, а позже, ему пришлось бы носить траур еще целый год.

— И сколько же он прождал, прежде чем начать поиски новой невесты? — осведомилась Аннабел, заранее страшась ответа.

— Не более двух недель. По правде говоря, я думаю, что он не ждал бы так долго, если бы не понимал, что такого ему не простят. — Луиза обвела взглядом комнату. Взгляд ее упал на бокал в руке Аннабел. — Пожалуй, я бы выпила чаю.

Аннабел поднялась и позвонила в колокольчик, так как не хотела, чтобы Луиза отвлеклась от своего рассказа.

— Вернувшись в Лондон, он стал ухаживать за леди Френсис Сефтон.

— Сефтон? — переспросила Аннабел. Имя звучало знакомо, но она не могла связать его с какой-то конкретной личностью.

— Да, — оживленно продолжала Луиза. — Вот именно. Ее отец — граф Бромптон. — Она наклонилась вперед. — Леди Френсис — третья из девяти детей.

— О Боже!

— Мисс Уиллингем был старшей всего из четырех, но она... — Голос Луизы прервался. Она явно не знала, как выразиться повежливее.

— У нее была такая фигура, как у меня? — подсказала Аннабел.

Луиза мрачно кивнула.

Аннабел скорчила гримаску.

— Полагаю, что на тебя он дважды не посмотрел.

Луиза опустила глаза на свою хрупкую фигурку.

— Никогда. — И затем с сарказмом прибавила: — Слава Богу!

— Что произошло с леди Френсис? — поинтересовалась Аннабел.

— Она сбежала. С лакеем.

— Святые небеса! Наверное, это было раннее увлечение. Ты как считаешь? Не станет же леди сбежать с лакеем лишь для того, чтобы избежать брака с графом.

— Ты так думаешь?

— А как же иначе? — покачала головой Аннабел. — Это же непрактично.

— Сомневаюсь, что она рассуждала практично. Полагаю, что она подумала о браке с этим... этим...

— Умоляю, не заканчивай эту фразу.

Луиза доброжелательно согласилась.

— Если уж так хочется избежать брака с лордом Ньюбери, — продолжала Аннабел, — я придумала бы что-то получше, чем выйти замуж за лакея. Разве что она уже была влюблена в этого слугу. Тогда это все меняет.

— Ну, это толком неизвестно. Она сбежала с ним в Шотландию, и больше никаких вестей от нее не было. А потом сезон кончился. Я уверена, что лорд Ньюбери именно с того момента стал искать невесту, но это проще делать во время сезона, когда все собраны вместе. К тому же, — подумав, добавила Луиза, — если бы он уже ухаживал за кем-то, я вряд ли бы об этом услышала. Он ведь живет в Гемпшире.

А Луиза проводила всю зиму в Шотландии, в своем холодном замке.

— А теперь он, значит, вернулся, — кивнула Аннабел.

— Да. И поскольку потерял целый год, он хочет найти кого-то побыстрее. — Луиза посмотрела на нее горестным взглядом, в котором смешались жалость и покорность судьбе. — Если он заинтересовался тобой, то не станет тратить время на ухаживания.

Аннабел знала, что так и есть, и понимала, что если лорд Ньюбери сделает ей предложение, отказать ему будет очень трудно. Дед и бабушка уже намекали ей, что одобряют этот брак. Матушка наверняка позволила бы ей отказаться, но она находилась почти в ста милях от Лондона. И Аннабел ясно представляла себе выражение глаз матушки, когда та уверяла бы ее, что дочери вовсе не обязательно выходить замуж за графа.

В ее глазах наверняка светилась бы любовь, но и тревога. Последнее время тревога не сходила с лица матери. Первый год после смерти отца преобладало горе, но теперь возобладали тревога и забота. Аннабел осознавала, что мысли о том, как содержать семью, вытеснили все другие чувства, не оставляя места для других переживаний.

Лорд Ньюбери, если и в самом деле захочет на ней жениться, окажет их семье достаточную финансовую поддержку, чтобы тревога и заботы матушки существенно смягчились. Он заплатит за образование братьев и обеспечит сестер приданым...

Аннабел не согласится выйти за него замуж, пока он не примет ее условия. Письменно.

Но она забегает вперед. Он еще не сделал ей предложения. А она еще не решила, скажет «да» или «нет». Или решила?

Глава 2

На следующее утро

— Ньюбери положил глаз на следующую.

Себастьян Грей посмотрел на кузена Эдварда. Тот сидел напротив и ел какую-то массу, похожую на пирог, которая даже с другого конца комнаты пахла отвратительно. Голова разламывалась — слишком много шампанского было выпито накануне, — и вообще лучше бы в комнате было темно.

Он смежил веки.

— Думаю, на этот раз все обстоит серьезно, — произнес Эдвард.

— Он был серьезно настроен все последние три раза, — отозвался Себастьян, не открывая глаз.

— Хм-м... Это точно, — послышался голос Эдварда. — Не повезло ему. Смерть, бегство из-под венца, а что там случилось в третий раз?

— Явилась к алтарю с ребенком.

Эдвард фыркнул:

— Может, ему стоило взять именно эту? По крайней мере он бы точно знал, что она не бесплодна.

— Я подозреваю, — откликнулся Себастьян, меняя положение, чтобы лучше уместить на диване свои длинные ноги, — что он сам не знает, чего хочет. — Он прекратил старания улечься поудобнее и перекинул обе ноги через край дивана, так что они повисли в воздухе. — Как ни трудно это себе представить.

Он какое-то время пытался подумать о дяде, но затем постарался выбросить его из головы. Мысли о графе Ньюбери обычно приводили его в плохое настроение, а у него и так болела голова. Они часто ссорились, дядя и племянник, но это, в общем, не имело значения до того, как полтора года назад умер Джеффри, кузен Себастьяна. Как только выяснилось, что вдова Джеффри не беременна и что предполагаемым наследником графского титула стал Себастьян, Ньюбери поспешил в Лондон на поиски невесты, объявив, что скорее умрет, чем допустит, чтобы Себастьян ему наследовал.

Абсурдность этого заявления графа не смутила. Так или иначе он оказался в положении странном и сомнительном. Если граф сумеет найти себе жену и та родит ему сына — а уж он, Бог свидетель, об этом постарается, — Себастьян останется всего-навсего одним из лондонских светских, но не титулованных джентльменов. С другой стороны, если Ньюбери не удастся обзавестись сыном вообще или жена родит ему только дочерей, Себастьян унаследует четыре особняка, кучу денег и один из самых древних в стране титул восьмого графа.

А это означало, что никто не знал, как с ним обращаться. Являлся ли он самым заманчивым призом на ярмарке невест или еще одним охотником за приданым? Догадаться было невозможно.

Это было бесконечно забавно. По крайней мере для Себастьяна.

Никто не хотел рисковать, полагая, что он не станет графом. Поэтому его охотно приглашали повсюду, что доставляло массу удовольствия человеку, любившему хорошую кухню, хорошую музыку и хороший разговор. Дебютантки так и порхали вокруг него, невероятно его забавляя. А что касается более зрелых дам, свободных брать радости жизни, где они подвернутся...